

8. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография / Урал. гос. Пед. Ун-т. — Екатеринбург, 2003. — 248 с.

9. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Екатеринбург, 2001. — 238 с.

10. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: ИТДГК "Гнозис", 2000. — 326 с.

11. Trier J. Wortschatz des Verstandes, Band 1. Heidelberg: Carl Winters Universitdsbuchhandlung, 1931 — С. 8.

Статья поступила в редакцию 7 ноября 2005 г.

УДК 81-139:378

Е. В. Старостина

О НЕКОТОРЫХ ЯЗЫКОВЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ АВТОБИОГРАФИИ

(на материале прозы А. Ахматовой, М. Цветаевой, А. Герцык)

Проблема анализа особенностей художественного текста по-прежнему привлекает пристальное внимание лингвистов (А. А. Акишина, И. Р. Гальперин, И. В. Арнольд, К. А. Филиппов, В. А. Маслова, Е. А. Селиванова и др.). В силу того, что текст — явление многоуровневое и сложное, **целью** данной статьи является выявление и описание возможностей языковых единиц в своеобразных условиях художественных автобиографий. Цель определяет конкретные **задачи** исследования:

- 1) выявить общие языковые особенности художественных автобиографий;
- 2) определить индивидуально-неповторимые черты письма А. Ахматовой, М. Цветаевой, А. Герцык.

Материалом исследования послужила автобиографическая проза А. Ахматовой ("Коротко о себе", "В десятом году", "Слепнево", "1910-е годы", "Людам моего поколения"), М. Цветаевой ("<Кирилловны>", "<Рождение музея>", "Шарлоттенбург", "Мать и музыка", "Отец и его музей") и А. Герцык ("Из мира детских игр", "О том, чего не было", "Мои блуждания", "Мои романы").

Несмотря на наличие ряда работ, анализирующих творчество поэтесс (Л. А. Мандрыкина, А. И. Павловский, А. Хейт; А. А. Саакянц, В. А. Маслова, И. В. Кудрова, В. Швейцер; О. Обухова, Э. Корпала-Киршак, Н. Мацкевич, Ж. Шерон), лингвистический аспект остается наименее изученным, чем обуславливается **новизна** исследования.

Перспективность работы заключается в пополнении представления ученых об особенностях художественных текстов в целом и автобиографических — в частности.

Любой текст, а особенно автобиографический, служит самовыражению автора, который выбирает то или иное стилевое “поведение”. Так как авторы исследуемых произведений — женщины, то целесообразно, на наш взгляд, определить черты именно женского стиля. По мнению И. Казаковой, таковыми особенностями являются чрезвычайная субъективность в изображаемом, находящая выражение в том, что автор “говорит от первого лица женщины”, стремление активно выразить свое “я”, для чего используется форма от 1-го лица, концентрация внимания на внутреннем мире героини, интерес к самоанализу и познанию бытия, к сложным нюансам человеческих отношений, отсюда особый психологизм и трагизм повествования, богатая эмоциональность и лиризм [5, с. 63]. Отметим, что все представленные черты женского стиля в той или иной степени отражены в прозе поэтесс. Но в контексте статьи наиболее важным представляется выявление индивидуально-неповторимых черт стиля их художественных биографий.

Так, А. Ахматовой свойственно изображение внешнего мира с проецированием на себя. Ее автобиографическая героиня показана в переломные для страны моменты. Например, упоминая о происходившем в страшном 1917 году, Ахматова пишет, что *задышалась от астмы и мерзла в холодной наемной комнате* [1, с. 242]. Но она не замыкается на себе, и, как следствие этого, в автобиографическом повествовании возникают образы ее современников, свидетелей века. Автор пишет: *“Людам моего поколения не грозит печальное возвращение — нам возвращаться некуда...”* [1, с. 242].

В отличие от ахматовской, автобиографическая проза М. Цветаевой и А. Герцык представляет собой размышления автора на ту или иную тему, связанную с событиями личной жизни поэтесс. Отсюда особая субъективность, которая придает повествованию сугубо лирический, зачастую даже интимный характер. Но не менее выразительными оказываются у них и фон эпохи, и окружающие люди (например, образы Марии Александровны Мейн — матери Цветаевой и Евгении Герцык — сестры Аделаиды Герцык).

Близкими, на наш взгляд, являются некоторые воспоминания М. Цветаевой и А. Герцык о детстве. В этих воспоминаниях — радость жизни, ощущение счастья и ребяческой беспечности. Сравним, например, воспоминания Цветаевой о посещении места, где велось строительство Музея изящных искусств: *Первое мое видение музея — леса. По лесам, — как птицы по эзердам, как козы по уступам, в полной свободе, высоте, пустоте, в полном сне...*

Кажется, отсюда так легко упасть наверх, как вниз. Музейные леса. Мой первый отрыв от земли [12, с. 6] и строки Герцык: *Помню себя совсем маленькой в яркое солнечное утро, зажженную солнцем столовую... Большие еще не встали.*

Мне сразу в глаза бросается предмет, который я в комнатах никогда не виде-

ла. На полу лежит несколько душистых, едва распустившихся березок, и горничная засовывает одну из них в угол за диван. Все становится празднично и необычайно в моих глазах...

Троицын день... березки... рассыпанный сахар... Все это вместе [4, с. 41].

Произведениям М. Цветаевой и А. Герцык свойственен особый лиризм, который проявляется в их тематике (дом, семья, детство), особенностях создания художественных образов. Это то, что роднит прозу поэтесс. Но в то же время автобиографии М. Цветаевой присущи авторская раскованность, свободная манера повествования, эмоциональность, а автобиографической прозе А. Герцык — спокойный, исповедальный характер рассказа.

Для произведений А. Ахматовой и М. Цветаевой характерны фактографичность и историзм. Сравним, например, ощущение “бега” времени у поэтесс. В очерке “Дом Шухардиной” символом ушедшего времени у Ахматовой становится дом. Она пишет: *“Этот дом памятнее мне всех домов на свете. В нем прошло мое детство... Мы уехали из него весной 1905 года. Тогда же он был перестроен и поменял свой старинный вид. Теперь его уже давно нет и на этом месте разведен привокзальный парк или что-то в этом роде. (Я последний раз была в Царском Селе в июне 1944 года). Нет и дачи Тура (“Отрада” или “Новый Херсонес”) — три версты от Севастополя, где с семи до тринадцати лет я жила каждое лето и заслужила прозвище “дикой девочки”, нет и Слепнева 1911-1917 годов, от которого осталось только это слово под моими стихами в “Белой стае” и “Подорожнике”, но, вероятно, это в порядке вещей...” [1, с. 241].* А у Цветаевой знаком героического прошлого России являются старики с золотыми медалями и орденами на груди. Приведем фрагмент из очерка “Открытие музея”: *Старики, старики, старики. Ордена, ордена, ордена. Ни лба без рытвин, ни груди без звезды. Мой брат и муж здесь единственно молодые. Группа молодых великих князей не в счет, ибо это именно группа: мраморный барельеф. Мнится, что сегодня вся старость России притекла сюда на поклон вечной юности Греции. Живой урок истории и философии: вот что время делает с людьми, вот что с богами. Вот что время делает с человеком, вот что (взгляд на статуи) — с человеком делает искусство. И, последний урок: вот что время делает с человеком, вот что человек делает со временем [12, с. 11].*

М. Цветаева и А. Герцык в автобиографической прозе склонны к тщательному анализу, максимально точному описанию людей. Отсюда — обилие ассоциаций и сравнений в их произведениях. Например, Цветаева, желая подобрать наиболее подходящую характеристику отцу, пишет: *“Отец мой — страстный, вернее — отчаянный, еще вернее — естественный ходок, ибо шагает как дышит, не осознавая самого действия” [12, с. 13],* а Герцык ассоциирует садовника Степаныча с седовласым ученым: *А вот здесь живет старый ученый, знаменитый во всем мире. Он ученый ботаник, у него ботанический сад с самыми редкими растениями. Он большой чудак, одевается как простой мужик, в сапогах и красной рубашке..., а по ночам надевает очки и пишет ученые сочинения. Его зовут Гаттерас [4, с. 52].*

Для автобиографических произведений М. Цветаевой характерны повышенная семантическая глубина и игра сложнейшими ассоциациями, насыщенная звукопись и усложненный синтаксис, особая ритмика. Ее проза — комплекс взаимодействия как звукового, так и смыслового, изобразительного, ритмико-мелодического начал. Но более всего, как нам кажется, она заморожена звуками, в чем признавалась сама: “Пишу исключительно по слуху” [9, с. 217]. Именно поэтому в ее прозе мы встречаем магическую игру звуков и многоплановость слов: *Красный туфелек (так мы говорили в детстве), с каблукон высотой в длину ступни (“Ну уж и ножки их были крошечки!” — ахает горничная Маша)...* *А эти красные груши — в уши... А это, с красным огнем и даже вином внутри — гранаты. (“Скажи, Ася, гранатовый браслет”. — “Браслет”). А вот брошка коралловая — роза. Кораллы — Neapel, гранаты — Boheten. Гранаты — едят. А это странное слово — блонды. От какой-то прабабки — мамáки — румынки. Никакого смысла, чистейшая магия* [12, с. 32].

Звукопись у М. Цветаевой выполняет самостоятельные эмоционально-экспрессивные функции, способствует фонетическому выделению семантически значимых слов, строя образ на звуковых ассоциациях. Так строится образ отца первой жены Ивана Владимировича Цветаева — Дмитрия Ивановича Иловайского. Автор рисует его мрачными красками как человека “жестокого”, а настроение упрека старика в том, что он “заживает чужой век” нагнетается употреблением шипящих звуков Ж, Ш, Ч: *Все в этом доме кончилось, кроме Иловайского. Жестокий старый решил жить. “Заживает чужой век... Всех детей зарыл, а сам...” Под этот шепот и даже ропот — жил* [12, с. 37]. Таким образом, согласные звуки актуализируют смысл слов **смерть, старость, жизнь**, а образ деда становится акустически выраженным.

Т. В. Кулешова в статье “Творческое наследие Марины Цветаевой и “женская литература” [2, с. 145-152] пишет, что Ш. Фельман, анализируя женскую автобиографическую литературу, обращает внимание на введение принципа боли как основного принципа автобиографического женского письма. Именно этот принцип так ярко выражен в автобиографическом повествовании А. Герцык. Боль, страдание, даже мучения у нее выступают значимым признаком и неизменным результатом любви к человеку, к жизни, к Богу: *Господи! Да! И я хочу и буду также нести страдание, когда оно придет ко мне, — не величаво, не облакая в святость, не растворяя в познании, а просто, смиренно, утешаясь маленькими внешними вещами, склеенным домиком, игрушками для детей, любя и веря до конца этим темным лоскуткам милой, завершающейся земли. И уйду. Оторвусь от нее...* [4, с. 96].

Раскрытие внутреннего мира А. Герцык отмечено психологизмом. Вся автобиографическая проза поэтессы воссоздаёт процесс формирования её взгляда на мир, автор сама не раз описывает своё психологическое состояние. Например, в очерке “Мои блуждания”, в разделе “Нищая” А. Герцык описывает ощущения, испытанные ею после встречи с просящей милостыню женщиной с ребёнком на руках: *Я пробежала мимо. Подумала только, что она боль-*

шая, здоровая, с воровскими глазами, и что её совсем не жалко... [4, с. 71]. Далее самоосуждение нарастает: *Вспомнила закутанного ребёнка на руках... И рой мыслей, маленьких, цепких, разрастающихся во что-то грозное, охватывал, не отпускал меня. Суеверное чувство страха за собственное благополучие, за детей своих, заставило вдруг повернуть назад... Будто прозвучало веление: вернуться, найти её, исправить... И стало понятно и убедительно, что все эти препятствия — это искус, испытание мне...* [там же, с. 71-72]. Ещё долго поэтесса будет корить себя за то, что не помогла нищей с ребёнком, и пытаться разобраться в своём поступке: *“Не желание помочь, а желание откупиться, вернуть себе нарушенный мир гнало меня вперёд. Не христианской была душа, а язычницей темной и рабски беззащитной”* [4, с. 72], — так ответит Герцык на свой вопрос.

Проза поэтесс обладает особой структурой повествования: повествователь и героиня здесь тождественны, однако в автобиографии Ахматовой герой предельно обобщен, что связано с переживаниями автора за судьбу своей страны. Отсюда тесная взаимосвязь лирического и эпического начал в ее произведениях.

Нельзя не отметить, что в автобиографических заметках А. Ахматова использует неопределенно-личные предложения: *А в Петербурге уже был убитый Распутин и ждали революцию* [1, с. 247]. Этим автор соединяет сугубо индивидуальные переживания и события собственной жизни с событиями целой эпохи, когда *... снег потемнел, кричат вороны, звонят колокола, кого-то хоронят* [там же, с. 251].

Речь героини содержит особые слова-сигналы припоминания, но не изобилует ими: *“...насколько я помню”* [1, с. 245], — говорит А. Ахматова. Данный приём, как нам кажется, направлен на привлечение внимания читателя, чтобы ещё раз засвидетельствовать избирательность в работе памяти.

Целям фиксации авторского “я”, следовательно, созданию особой субъективности, достоверности служит постоянное использование А. Герцык личного местоимения в форме 1-ого лица единственного числа, глаголов в форме 1 лица единственного числа настоящего времени и слов, свидетельствующих об избирательной работе памяти поэтессы: *Я не могу общаться с людьми, пользоваться их силой и знаниями, питаться плодами их труда. Но я не могу без них — они нужны мне. Моя любовь, моя жалость, моё нетерпение влекут меня к людям, не давая покоя. Я вяну без ласки человеческой и жадно, как свет солнечный, тяну её в себя. И не зная, что с ней делать — отдаю её назад, но распускаюсь согретая... Мне дорог весь облик человека, походка, и движение, и руки — скрытые за этим доброта или сила, тоска или стыд его* [4, с. 90].

Приметой индивидуально-авторского идиостиля и мощным выразительным средством в автобиографической прозе Цветаевой и Герцык является пунктуация. Наиболее используемыми знаками являются тире, восклицательный знак, дефис и многоточие, что придает речи лирических героинь не только интонационную четкость, но и эмоциональную напряженность. Зачастую в прозе М. Цветаевой встречаем эмфатический восклицательный знак, служащий

для выражения наиболее важной в смысловом отношении части высказывания. Например, вспоминая отца и описывая его как “босоногого и лучинного”, с помощью восклицательного знака поэтесса акцентирует внимание на “русскости” своего отца, уподобляя его Ломоносову: *Но мечта о музее началась раньше... мечта о музее началась... в глухих Талицах, Шуйского уезда, где он за лучиной изучал латынь и греческий. “Вот бы глазами взглянуть!” Позже же, узрев: “Вот бы другие (такие же, как он, босоногие и “лучинные”) моими глазами взглянуть!”* [12, с. 4].

В прозе А. Герцык восклицательные знаки также выделяют важнейшие в смысловом отношении части текста, но всегда этот знак знаменует собой тему одухотворенности всего сущего, всеприсутствия духовного начала. Например: *Господи! Если б знали люди, как трудно жить, если не быть как они, если видеть и понимать окружающий мир, помогать ему, мыслями и словами крестить то, что у него, немого, замкнутого, остается без нас не проявленным!*

Как нужны ему мы, люди! [4, с. 54].

Многоточие достаточно часто обрывает строки автобиографических произведений поэтесс, чем одновременно демонстрируется многозначительность, важность и философская глубина недосказанного. Так, например, в очерке “Открытие музея” Цветаева пишет о пересечении прошлого и будущего, символом которого является музей, и обрывает размышления многоточием: *Чуть склонив голову — как всегда, когда читал или слушал (в эту минуту читал он прошлое, а слушал будущее), явно не видя всех на него глядящих, стоял он у главного входа, один среди белых колонн, под самым фронтоном музея, в зените своей жизни, на вершине своего дела. Это было видение совершенного покоя...* [12, с. 13].

А. Герцык, используя многоточие, заставляет читателя “замолчать”, задуматься, сконцентрироваться на своем внутреннем мире, очиститься от греховности и приблизиться к Богу: *Будто прозвучало веление: вернуться, найти ее, исправить... И стало понятно и убедительно, что все эти препятствия: отталкивающий вид нищей, и свертки, связавшие руки, и холод, из-за которых я с таким легким сердцем пробежала мимо — что все это искуc, испытание мне...* [4, с. 72].

Отметим также, что излюбленным знаком пунктуации М. Цветаевой являются скобки. Чаще всего они используются ею для обозначения вставных единиц в тексте, которые содержат разного рода добавочные замечания, попутные указания, поправки, разъясняющие предложение в целом или отдельные, семантически значимые его компоненты. Например, описывая Марию Александровну Мейн как благородную и светскую даму, Цветаева замечает, что для матери было неприемлемо, чтобы ее дочери танцевали. Она пишет: *“У нас, слава богу, в семье никто не танцевал!”*. Но здесь же в скобках указывается глубокая причина всей *“общей лирической неизбежной беды”*: *(В чем ошиблась: был один роковой, в жизни ее матери, бал и танец, с которого все и пошло: и ее музыка, и мои стихи, все наша общая лирическая неизбывная беда...)* [12, с. 228].

Выводы

Проведенный анализ языковых особенностей художественных автобиографий А. Ахматовой, М. Цветаевой и А. Герцык позволяет прийти к заключению, что наряду с общими языковыми особенностями (повествование от первого лица, использование слов-сигналов припоминания), в художественных автобиографиях отмечаются и неповторимо-индивидуальные языковые черты (своеобразная звукопись, актуализация семантики слов за счет “игры” с шипящими звуками, использование личного местоимения в форме первого лица единственного числа, употребление глаголов в форме настоящего времени первого лица единственного числа, особая пунктуация).

Литература

1. Ахматова А. А. Сочинения: В 2 т. Т. 2 / Анна Ахматова. — М.: Худож. лит., 1986. — 464 с.
2. Ахматова А. А.: Эпоха, судьба, творчество. Научный сборник. Симферополь: “Крымский Архив”, 2001. — 150 с.
3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. — 139 с.
4. Герцык А. К. Стихи и проза: В 2 т. — М.: Возвращение, 1993. — 568 с.
5. Казакова И. Критика и публицистика к. XIX–н. XX веков о творчестве русских писательниц // Преображение. — 1998. — №6. — С. 63-67.
6. Кудрова И. В. Лирическая проза Марины Цветаевой // Звезда — 1982. — №10. — С. 172-183.
7. Марина Цветаева в воспоминаниях современников: Возвращение на родину. — М.: Аграф, 2002. — 304 с.
8. Маслова В. А. Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста.: Уч. пособие. — Мн.: Выш. шк., 1997. — 156 с.
9. Маслова В. А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой: Учебное пособие / В. А. Маслова. — М.: Флинта: Наука, 2004. — 256 с.
10. Петрова Н. В. Текст и дискурс // Вопросы языкознания. — 2003. — №6. — С. 123-132.
11. Филиппов К. А. Лингвистика текста и проблема анализа устной и письменной речи.: Уч. пособие. — Л., 1989. — 97 с.
12. Цветаева М. И. Сочинения. В 2 т. Т. 2. Проза / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц. — Мн.: Нар. асвета, 1988. — 479 с.

Статья поступила в редакцию 31 октября 2005 г.